

В СЕРДЦЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Город в советское время

1917-й – 1920 год

Омск и омичи в период революционных событий 1917-го – первой половины 1918 года

Вечером 28 февраля 1917 г. по железнодорожному телеграфу в Омск поступило первое сообщение о падении самодержавной власти. Сенсационное известие в виде неясных слухов стало быстро распространяться по городу уже с полудня 1 марта, а около 7 часов вечера в редакции «Омского вестника» была получена телеграмма с текстом возвания Временного комитета Государственной думы к населению и армии, подтверждавшая факт начала революции. Копию этой телеграммы передали в городскую управу, где совещалась продовольственная комиссия. Здесь на стихийном митинге общественности была избрана инициативная группа, впоследствии составившая костяк Коалиционного комитета – первого революционного органа власти и управления в Омске. Тогда же было решено созвать на следующий день расширенное заседание городской думы.

Митинги и собрания в городе начались 2 марта. Стотысячное гражданское население с нетерпением ожидало новых известий о событиях в Петрограде. Поэтому так многолюдно было в здании городской думы, где обнаружались вновь поступавшие сообщения из столицы. Восторженно приветствовали собравшиеся известия об арестах тех, кто олицетворял политику прежнего режима. Сведения об обстановке в столице, о создании Петроградского Совета и шагах Временного комитета Госдумы внесли определенную ясность в представления о перевороте и побуждали к решительным действиям по примеру восставшего Петрограда.

Официальные власти не препятствовали инициативам революционно настроенных горожан и, казалось, были озабочены лишь соблюдением внешнего порядка на улицах Омска. Генерал-губернатор Степного генерал-губернаторства Н. А. Сухомлинов, он же командующий войсками Омского военного округа и наказной атаман Сибирского казачьего войска, заявил о признании новой власти и готовности выполнять ее распоряжения.

Вечером 2 марта участники чрезвычайного заседания городской думы постановили создать в Омске Коалиционный комитет. Первоначально в его состав вошло 14 чел., а к концу марта эта цифра возросла до 23. Это были гласные думы, представители местных общественных организаций, казачества, кооператоры и др. Численно в Комитете социалисты (эсеры, меньшевики-оборонцы и народные социалисты) получили преобладание над либералами. Председателем Коалиционного комитета был избран один из лидеров омской буржуазии – 35-летний предприниматель и общественный деятель Н. Д. Буяновский. По прошествии трех-четырех дней его сменил на этом посту глава Омского комитета Союза городов народный социалист Н. А. Филашев.

Руководитель местной объединенной социал-демократической организации присяжный поверенный К. А. Попов и другие партийные активисты не приняли участия в формировании коалиционного органа, направив основные усилия на создание Совета рабочих и военных депутатов, которому по примеру Петроградского Совета

В. В. Едличко – старший председатель Омской судебной палаты*. Начало XX в.

предстояло стать противовесом нарождавшимся структурам буржуазно-демократической власти. Уже в ночные смены на предприятиях Омска начались выборы в Совет, а вечером 3 марта К. А. Попов, ставший первым председателем Омского Совета, приветствовал депутатов и ознакомил их с ближайшими задачами. Заседание завершилось принятием резолюции об аресте высших чинов царской администрации, жандармерии и военных. Решение Совета вскоре было сообщено членам Коалиционного комитета, который ответил согласием на произведение арестов.

Первый революционный комендант города прапорщик С. М. Немчинов ночью и ранним утром 4 марта отдавал приказы и во главе отряда, составленного из солдат 20-го Сибирского стрелкового запасного полка и рабочих, лично руководил арестом Н. А. Сухомлинова. Арестованы были также губернатор Акмолинской области А. В. Колобов, вице-губернатор Н. И. Князев, старший председатель Судебной палаты В. В. Едличко, помощник наказного атамана Сибирского казачьего войска генерал П. Я. Ягодкин, начальник 3-й Сибирской стрелковой запасной бригады генерал А. В. Ромашев, высшие чины полиции и жандармерии. Аресты представителей старой власти произошли тихо и незаметно для омских обывателей, а в 7 часов утра 4 марта начался парад войск гарнизона, продолжавшийся до самого вечера. Части с офицерами во главе маршировали с развернутыми знаменами под радостные возгласы и приветствия публики. У здания городской управы к войскам выходили и обращались с речами члены Коалиционного комитета.

В этот же день продолжились заседания Совета. Одним из первых встал вопрос об организации милиции, возглавить которую было поручено товарищу (заместителю) председателя Совета социал-демократу прапорщику К. В. Кузнецову. Кроме того, был рассмотрен вопрос о выборах в Совет от частей Омского гарнизона, который, превосходя по своей численности гарнизоны других городов

на восточной окраине России, насчитывал накануне революции не менее 70 тыс. чел. Выборы прошли с 4 по 6 марта по вновь утвержденным правилам: отдельное голосование офицеров и солдат; по одному офицеру и по пять солдат от каждого пехотного полка, каждой дружины, артиллерийской, кавалерийской и других частей.

В первые дни и недели марта Омск захлестнула волна митингов, собраний, демонстраций и военных парадов. Их главным итогом стала окончательная дискредитация прежней власти. На митингах утвердился и был воспринят массами новый язык наступившей революционной эпохи. Повсеместно пробивал себе дорогу принцип выборности.

Так, 4 марта на общем собрании офицеров гарнизона в присутствии более тысячи человек был избран новый командующий войсками округа (одновременно наказной атаман Сибирского казачьего войска) генерал-майор Г. В. Григорьев – бывший командир 53-й ополченской бригады. Его авторитет во многом объяснялся убеждением, что Григорьев пострадал за независимые взгляды, вследствие чего временно оставил военную службу и занялся адвокатской практикой. Окончательно образ революционного генерала закрепился в сознании омской гражданской и военной публики после вступления Григорьева в партию социалистов-революционеров, о чем сообщала пресса в 20-х числах марта. На должность начальника штаба округа вместо генерал-лейтенанта А. А. Таубе общее собрание офицеров избрало генерал-майора В. Г. Владимирову. Назначения были утверждены Коалиционным комитетом, который, кроме того, назначил помощником командующего прапорщика С. М. Немчинова.

После состоявшихся выборов от воинских частей в Совете произошло разделение на рабочий и военный отделы. Вскоре общее собрание Совета утвердило и новый, расширенный список членов своего исполкома. С течением времени структура и состав исполнительных органов Совета менялись: возникали новые должности, например

Н. А. Сухомлинов – генерал-губернатор Степного генерал-губернаторства, командующий войсками Омского военного округа, войсковой наказной атаман Сибирского казачьего войска (1915–1917 гг.)*

вице-председателя Совета, создавались все новые постоянные и временные комиссии; численность Совета весной 1917 г. превысила 400 чел. Значительный перекос в сторону преобладания в Совете штатских выровнялся, и места примерно одинаково распределились между рабочим и военными отделами.

В середине марта в Омске оформилась в основном так называемая система двоевластия. Единственным полномочным представителем Временного правительства, образованного 2 марта 1917 г., здесь признавался Коалиционный комитет. При нем был создан ряд отделов (включая военный), в задачи которых входил контроль над многими сторонами общественно-политической и хозяйственной жизни города и Омского уезда. Более того, Коалиционным комитетом предпринимались попытки осуществлять руководство в масштабах всей Акмолинской области и отчасти Степного края. Так, Комитет назначил вице-губернатором, а позднее комиссаром Временного правительства по Акмолинской области инженера, председателя механического отдела областного военно-промышленного комитета Н. И. Лепко. По прибытии же в Омск утвержденного центром в качестве комиссара Степного генерал-губернаторства И. П. Лаптева Комитет настоял на передаче большинства его функций своему выдвиженцу – члену окружного суда И. П. Законову. Лаптев вынужден был подписать приказ, в котором говорилось, что «все распоряжения по Степному генерал-губернаторству будут исходить от Омского Коалиционного комитета за подписью назначенного последним комиссара по управлению Степным генерал-губернаторством И. П. Законова».

Совет рабочих и военных депутатов рассматривался в то время, в том числе и его руководством, как общественная организация, представлявшая и отстаивавшая на всех уровнях интересы трудовой демократии. Взаимодействие Омского Совета и Коалиционного комитета строилось примерно по той же схеме, что и в центре, где Петроградский Совет осуществлял линию «давления и контроля» по отношению к Временному правительству, не участвуя непосредственно в его работах. Однако если в Петрограде социалисты, не считая А. Ф. Керенского, принципиально отказались войти в состав правительства, и такое положение сохранялось вплоть до начала мая 1917 г., то в Омске, как и по всей Сибири, ситуация сложилась иначе. Представители социалистических партий сплошь и рядом с момента возникновения различных органов, действовавших от имени Временного правительства (включая Коалиционный комитет и городскую думу), являлись их членами и серьезно влияли на характер работы этих органов.

В условиях «медового месяца» революции накал политической борьбы проявлялся лишь спорадически и не был особенно острым. Символом относительного согласия и взаимодействия стало и то, что Коалиционный комитет

и Совет с 5 марта размещались в бывшем генерал-губернаторском дворце, получившем теперь наименование Дома Республики. Комиссар военного отдела Коалиционного комитета войсковой старшина Е. П. Березовский позднее вспоминал: «Было время, когда надеялись, что вся Россия слилась в одно, и мне казалось, что и мы составляем только часть этого одного».

В марте же открылась полоса съездов и собраний, на которых осуществлялось массовое создание новых общественных объединений, набирал силу процесс организационного оформления интересов различных социальных слоев и групп населения. Помимо Советов, самым распространенным типом таких организаций являлись профсоюзы. Возникая первоначально в рамках отдельных промышленных и торговых предприятий, государственных учреждений, они сливались в дальнейшем в более широкие территориальные и межотраслевые объединения. Так, 12 апреля при Омском Совете было создано бюро профсоюзов, под чьей эгидой находилось 20 городских профсоюзных организаций, насчитывавших в своих рядах 15 тыс. рабочих и служащих.

Отстаивание восьмичасового рабочего дня, повсеместное введение его на предприятиях стало одной из первостепенных задач рабочего движения. Омский Совет рабочих и военных депутатов в марте 1917 г. неоднократно выносил постановления о его безотлагательном введении. Коалиционный комитет на заседании 18 марта единогласно приветствовал принятую в тот же день резолюцию Совета. Однако воплощение в жизнь устремлений рабочих наталкивалось на серьезные препятствия, связанные с позицией владельцев предприятий, техническими и финансовыми трудностями. Поэтому Совет и Коалиционный комитет на условиях высокой оплаты соглашались с сохранением в ряде случаев сверхурочных работ. В итоге, владельцы частных промышленных предприятий под угрозой общегородской стачки в начале апреля были вынуждены пойти на введение восьмичасового рабочего дня; лишь на некоторых службах железных дорог осуществление этой меры затянулось на долгие месяцы.

В профессиональном движении интеллигенции, как омской, так и сибирской в целом, весной 1917 г. наибольшую активность проявляли учителя. Это во многом объяснялось необходимостью постановки и реализации целого комплекса образовательных мероприятий в связи с задачами демократизации школы, выдвинутыми революцией. Учителство составляло и самую политизированную социальную группу среди лиц, занятых умственным трудом. В отличие, например, от медиков, агрономов и других категорий интеллигенции, решавших на своих форумах преимущественно проблемы объединения усилий в сфере чисто профессиональной, учителя широко ставили вопросы об отношении к Временному правительству, о войне и мире,

об Учредительном собрании и будущем государственном устройстве России.

После падения монархии с особым размахом развернулась борьба различных политических сил за контроль над профсоюзным движением. В этом деле преуспели социал-демократы, в чьих рядах на начало апреля, по некоторым (возможно преувеличенным) оценкам, насчитывалось до тысячи человек, хотя активно работавших партийцев было в несколько раз меньше. Омская социал-демократическая организация объединяла довольно пестрый состав, включая меньшевиков-оборонцев, меньшевиков-интернационалистов и большевиков. Первоначально к ней примыкала немногочисленная плехановская группа «Единство», выступавшая за доведение войны до победы с соответствующими компенсациями потерь России, за широкий блок демократических сил, подразумевавший сотрудничество либералов и социалистов.

Самым влиятельным крылом в объединенной организации социал-демократов весной 1917 г. были меньшевики-интернационалисты, возглавлявшиеся К. А. Поповым. Меньшевики-интернационалисты имели преобладающее влияние в Омском Совете рабочих и военных депутатов и временами полностью определяли его линию поведения. Ориентируясь на доведение буржуазно-демократической революции до логического завершения, они тем не менее по ряду вопросов (о войне, о Временном правительстве) находились на более радикальных позициях, чем Пет-

роградский Совет, в русле политики которого в основном следовали их лидеры. В самом Омске эта тенденция проявлялась в стремлении оттеснить на второй план Коалиционный комитет, целиком поставить под контроль Совета местный гарнизон. Меньшевики-интернационалисты представляли своего рода интеллектуальную элиту омской социал-демократической организации, обладая наиболее теоретически подготовленными, опытными и авторитетными кадрами.

Большевики Омска, сохраняя единство с интернационалистами, имели довольно широкие возможности для политических маневров и компромиссов; они использовали общую кассу, организационно усиливались, приобретая сторонников в пределах одной и той же социальной базы. В гуще рабочих и солдат гарнизона всегда можно было встретить большевистских вожаков. Среди них особенно выделялись своей активностью З. И. Лобков, В. С. Горшков, Я. И. Анисимов. В первые месяцы революции пропаганда леворадикального крыла местной социал-демократии особого успеха не имела, однако близость к массам постепенно обеспечивала рост влияния большевиков в низовых звеньях объединенной организации и во многом предопределила разительные перемены в расстановке социально-партийных сил Омска осенью 1917 г.

Другой социалистической партией, доминировавшей в общественной жизни города весной 1917 г., была партия эсеров. Она имела своих представителей и в Совете,

Участники одной из мартовских демонстраций у дома поэта Антона Сорокина. 1917. Из коллекции В. И. Селюка

Выпускной, четвертый класс и преподаватели второго высшего начального училища Министерства народного просвещения. 1917.

Из коллекции В. И. Селюка.

Весной 1917 г. учителя составляли самую политизированную и наиболее активную в профессиональном движении группу лиц

и в Коалиционном комитете, а также в большинстве общественных организаций демократического толка. Видными работниками этой партии в Омске являлись П. Я. Дербер, Н. А. Лукашев, В. В. Паскевич. После падения самодержавия начался массовый приток новых членов в партию эсеров. Мощной социальной опорой выступало крестьянство. Большим влиянием пользовались эсеры и в военной среде, включая офицерство. Много сторонников они имели среди местной интеллигенции; примыкала к ним и часть омского пролетариата.

На общем собрании эсеровской организации Омска 7 марта было принято решение о поддержке лозунга доведения войны до победного конца ради сохранения нового строя в России. Участники собрания единодушно признали необходимость «согласованных действий Совета рабочих и военных депутатов и Коалиционного комитета». Но с течением времени единство омской эсеровской группы нарушилось. Далеко не все ее члены считали обязательным для себя придерживаться общей политической линии. Насчитывавшая к концу марта несколько сотен человек организация страдала отсутствием партийной дисциплины и непроясненностью ряда принципиальных вопросов, что создавало почву для последующего раскола.

Омская группа народных социалистов (энесов) была относительно немногочисленна и довольно поздно (30 апреля) провела свое первое собрание. В партийном коми-

тете на этот момент состояло 59 чел. В дальнейшем численность народных социалистов возросла, однако незначительно. Занимая последовательную оборонческую позицию, отмежевываясь от радикализма социал-демократического большинства и части эсеров, омские энесы в конце концов нашли себе союзника в лице группы «Единство», с которой летом выступали общим списком на выборах в городскую думу.

Позже, чем у эсеров и социал-демократов (в 20-х числах марта), состоялось организационное оформление местного комитета партии народной свободы (кадетов). В основном интеллигентская по составу партия кадетов весной 1917 г. утратила многих прежних сторонников, обративших свои симпатии на социалистов. Однако, оставаясь фактически единственным значительным центром консолидации буржуазии, она привлекала более правых по политическим взглядам представителей торгово-промышленных кругов и части офицерства. Омских кадетов возглавлял признанный политический деятель, член Коалиционного комитета, присяжный поверенный В. А. Жардецкий. Неумолимый и вездесущий оратор, он стал и активным сотрудником «Сибирской речи» – созданного в 1917 г. печатного органа омских кадетов. К началу мая организация в Омске насчитывала до четырех сотен членов, а ее деятельность целиком была направлена на поддержание авторитета и политической линии Временного правительства.

Хотя жизнь города весной 1917 г. и была насквозь пронизана политическим пафосом, исключительно к политике она все же не сводилась. Омский зритель имел возможность посмотреть разнообразные театральные постановки. Большой популярностью, особенно среди солдат, пользовались представления цирка Цезаря Арригони. В кинотеатрах шли боевики и мелодрамы. И, конечно же, было много фильмов на злобу дня. Один из анонсов тех дней содержал, к примеру, следующее: «В кинематографах “Гигант” и “Прогресс” пойдут картины: “Революционные дни в Петрограде”, “Похороны жертв революции”, “Керенский в Москве”, “Пуришкевич, произносящий речи”». Помимо документальных лент, в программу включались художественные картины «Гришка Распутин» и «Дом Романовых». А в кинотеатре «Кристал-палас» демонстрировался фильм «Предатель Мясоедов».

Война, а затем и революция наложили особенный отпечаток на облик города. Приток беженцев, во многом благодаря которому численность гражданского населения выросла на 30 % и в июне 1917 г. составила 105 тыс. чел., обострил жилищную проблему. Площади ряда общественных и государственных учреждений были отведены под постой воинских частей. В Омске ощущались и продовольственные трудности, ложившиеся дополнительным бременем на обывателей и городское самоуправление. Сахар, распределявшийся по карточкам, в апреле достался не всем потребителям, а частные торговцы мясом к середине меся-

ца повысили цены с 20–30 до 45–50 коп. за фунт (409,5 г). В начале мая в городе стали вводиться карточки на муку и печеный хлеб. Тогда же появились и признаки товарного голода. Неустойчивая политическая ситуация привела к тому, что приток из центра различных товаров, например мануфактуры, снизился до минимума.

Одной из серьезных проблем, беспокоивших городские власти, стала проблема организации милиции. Полиция в ходе революционных событий была упразднена. В первые дни марта под эгидой Совета рабочих и военных депутатов была организована милиция из учащихся, которые постепенно заменялись солдатами. Отсутствие опыта, иногда недисциплинированность милиционеров вызывали нарекания жителей. В середине марта по городу распространились слухи о волне грабежей и насилий, говорили о 16 совершенных убийствах. Начальник омской милиции прапорщик К. В. Кузнецов печатно опроверг слухи (по его словам, было убито трое и двое ранено), обвинив в организации преступлений приверженцев старого режима. Уже через месяц пресса отмечала, что в городе установился относительный порядок, на улицах стало меньше пьяных. Одной из самых удачных операций милиции в этот период стала облава на пытавшихся проникнуть в Омск накануне пасхальных праздников торговцев самогоном. В мае омская милиция была передана в ведение городского самоуправления.

Вскоре после победы революции, несмотря на относительно мирное течение политической жизни в городе,

Кинотеатр «Гигант» в Санниковском переулке (сейчас – ул. Партизанская). Открытка 1928 г.

Владелец А. Каплун. В 1945 г. в этом здании открылся первый детский кинотеатр им. Павлика Морозова, снесенный в 1950 г.

в общественной жизни Омска стали развиваться ростки тех противоречий, которые с конца лета выльются в острое противостояние различных общественных сил. Одним из главных источников социальной напряженности являлся Омский гарнизон. Сильное беспокойство по поводу способов переустройства военного быта выражало офицерство. Хотя по настоянию Коалиционного комитета приказ № 1, выпущенный Петроградским Советом, не был опубликован в Омске, исполком местного Совета еще 5 марта вынес постановление, радикально изменявшее распорядок жизни солдат. Так, разрешалось по окончании занятий свободное проведение собраний в расположении частей. Сюда был открыт доступ штатским агитаторам. Отменялась вечерняя поверка, и солдаты, не находившиеся в наряде, могли являться в казармы только утром.

С первых дней революции среди солдат и казаков наблюдалось стремление к устранению ряда офицеров и выборам командного состава. Ликвидация ограничений в гражданских правах воинских чинов после победы революции очень широко трактовалась солдатской массой, что выразилось в общем падении дисциплины. Нередким явлением стали конфликты с офицерами на почве неотдания чести, требований прибавки к жалованью за счет полковых сумм. В результате посещения казарм штатскими здесь порой распространялись невероятные слухи, усиливалась вражда к офицерам, обвинявшимся в контрреволюционных замыслах и деяниях.

Впрочем, довольно скоро отдельные офицеры перестали воспринимать Совет и возникшие в марте ротные и полковые комитеты (коллективы) как исключительно отрицательный фактор военного быта, несмотря на непривычные и, казалось бы, неприемлемые для армии демократические формы управления, активно внедрявшиеся этими организациями. Не случайно генерал А. А. Таубе, заступив на пост начальника штаба округа по отбытии генерала В. Г. Владимиров в действующую армию, быстро вошел в контакт с выборными армейскими активистами и оказывал им существенную поддержку. По его собственному признанию в письме, адресованном в Кабинет военного министра, он рассматривал тогда солдатские организации в качестве «единственных авторитетных ликвидаторов эксцессов со стороны солдатских масс». Действительно, на первом этапе революции Советы (в конце апреля – начале мая в Омске возник еще и Союз солдат-крестьян), а также войсковые комитеты приложили немалые усилия для поддержания дисциплины в гарнизоне и округе. Они боролись с дезертирством, широко распространившимися азартными играми, попытками неисполнения приказов, пьянством, улаживали конфликты между солдатами и офицерами и т. п.

В апреле и мае 1917 г. произошли изменения в расстановке политических сил в Омске и Акмолинской области.

Коалиционный комитет стал утрачивать свое значение как высший орган областной и городской власти. Хотя различные политические группы и представляемые ими слои населения признавали prerogatives Комитета, реально власть все больше перераспределялась в пользу других административных и общественных институтов. Так, городская дума, пополнив в апреле свой состав 40 представителями от Совета рабочих и военных (с 9 мая – солдатских) депутатов, в лице социалистических лидеров заявила резкий протест против вмешательства Комитета в дела местного самоуправления и ревниво оберегала свои полномочия. Лишенный поддержки Совета, Комитет стремительно терял свой авторитет и социальную опору среди значительной части городского населения.

Наконец, после образования в мае по решению I Западно-Сибирского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Военно-окружного комитета (Вокома), который установил контроль над деятельностью командующего округом, власть Коалиционного комитета в сфере армейской жизни сохраняла скорее номинальный характер. Да и сам генерал Г. В. Григорьев почти полностью переориентировался на Советы, проводя в своих приказах линию, согласованную с позицией этих организаций.

На излете весны 1917 г. Омск переживал нелегкие времена. Бытовые проблемы и неурядицы, однако, сглаживались в сознании многих надеждами на скорое разрешение животрепещущих вопросов бытия России и ее народов «хозяйном земли русской» – предстоящим Учредительным собранием. Сформированное в начале мая коалиционное Временное правительство, куда вошли и лидеры социалистических партий, казалось, должно было устранить ненормальную атмосферу двоевластия и в армии, и в гражданской среде, прекратить, наконец, перетягивание каната между Советами и официальной властью. Но этого не произошло. Перспективы будущей жизни, судьбы войны и мира, земли и хлеба каждому рисовались по-своему. Революция все более набирала силу, запутывая клубок социальных противоречий и оставляя очень мало шансов на достижение единства...

В 20-х числах июня в Омске прошли перевыборы Коалиционного комитета. Как и прежде, социалисты здесь занимали преобладающие позиции. Но общая политическая ориентация Комитета заметно изменилась за счет вхождения в него левых социал-демократов и усиления позиций эсеровского центра. В состав Комитета от Совета рабочих и солдатских депутатов был избран и бывший непримиримый его противник К. А. Попов.

В июньские дни приобрела новое звучание тема войны. После создания коалиционного Временного правительства, в котором пост военного министра занял А. Ф. Керенский, началась реализация планов наступления Русской армии. В Омском гарнизоне, насчитывавшем в середине июня около 50 тыс. штыков, шла усиленная подготовка

маршевых рот. Инициатива армейского командования по созданию частей, крепко спаянных дисциплиной, отличающихся высоким чувством воинского долга и патриотизма, – батальонов смерти, ударных и революционных батальонов – нашла отклик и в Омском гарнизоне. Группа офицеров Омского военного округа выработала соответствующее воззвание и обратилась в Военно-окружной комитет с предложением о формировании ударных батальонов. По решению Вокома местные демократические воинские организации взяли осуществление этой инициативы под свой контроль. На заседании военного отдела Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, прошедшего 23 июня, было принято постановление, которое обязывало ротные и полковые комитеты выносить заключение по кандидатурам будущих «ударников» «о непорочности и безупречности их поведения»; командные должности в ударном батальоне (батальоне смерти) должны были замещаться исключительно выборными офицерами.

Уже 2 июля 1-й Омский ударный батальон в составе 1 020 чел. отбыл на фронт. Перед отправкой на станцию у кафедрального собора епископ Сильвестр отслужил напутственный молебен, а во время шествия батальона по городу население забрасывало дорогу цветами. После торжественных проводов 23 июля покинул город 2-й Омский ударный батальон. Его знамя и походная аптека были приобретены на пожертвованные горожанами средства.

В июне – июле 1917 г. роль выборных солдатских организаций в жизни Омского гарнизона была исключительно велика. К началу лета здесь окончательно оформилась коллегиальная система управления войсками, обеспечивавшая упомянутым организациям возможность осуществлять полный контроль над действиями командования всех рангов и проводить в жизнь собственные решения. Так, Омский военно-окружной комитет имел своих комиссаров при начальниках различных служб и учреждений округа; приказы командующего округом выходили не иначе, как за подписью двух-трех членов Вокома. Соответственно приказы по гарнизону визируют члены гарнизонного комитета – органа, выделенного из состава военного отдела Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, который осуществлял свои решения посредством контактов с Военно-окружным комитетом, гарнизонным комитетом или нижестоящими полковыми, дружинными и т. п. комитетами.

Многоступенчатая и достаточно громоздкая система выборных демократических организаций, так или иначе ведавших положением дел в гарнизоне, создавала параллелизм в работе и трения между различными звеньями этой системы. Иногда Воком не находил общего языка с военным отделом Совета, а тот в свою очередь – с гарнизонным комитетом, стремившимся к полной самостоятельности. В конце апреля был поднят вопрос об образовании еще одной крупной организации – Омского союза солдат-

крестьян под эгидой обосновавшегося в городе эсеровского исполнительного комитета Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов. Руководство уже существовавших в гарнизоне выборных солдатских органов забило тревогу и не допустило конstituирования при опоре на Союз военного отдела крестьянского Совета. Омский союз солдат-крестьян, как и созданный в июле Омский окружной Совет солдат-крестьян, включая его низовые структуры, не поддерживал конкуренции со стороны Советов рабочих и солдатских депутатов в борьбе за влияние на массы и потому постоянно оставался на вторых ролях при решении вопросов армейской жизни.

Взаимоотношения между существовавшими в тот период в Омске выборными солдатскими организациями и командованием округа нельзя было назвать безоблачными, однако эсерствовавший генерал Г. В. Григорьев делал многое ради сохранения спокойствия в округе, идя навстречу устремлениям руководства Советов и комитетов. 2 июня Григорьев издал приказ № 316, согласно которому полковые комитеты получили право отчислять 25 % остатков артельных сумм частей округа на нужды Советов рабочих и солдатских депутатов. 15 июня им был объявлен переданный из Петрограда приказ № 233 по военному ведомству об образовании полковых судов, в который были внесены собственные дополнения (инициатива шла от Военно-окружного комитета), со ссылкой на будущее утверждение приказа военным министром в измененном виде. Это переполнило чашу терпения А. Ф. Керенского, и он потребовал от военной прокуратуры возбудить дело против своевольного генерала Г. В. Григорьева. Другой причиной, повлиявшей на карьеру командующего округом, стали сведения о том, что некогда Григорьев, председательствуя в суде, подписал несколько смертных приговоров эсеровским боевикам. В результате 5 июля, передав исполнение своих обязанностей начальнику штаба округа генерал-лейтенанту А. А. Таубе, Г. В. Григорьев, сопровождаемый до Перми комиссарами Совета рабочих и солдатских депутатов, выехал в Петроград.

Отъезд Григорьева тут же заслонило другое, гораздо более важное событие: 3–4 июля рабочие, солдаты и матросы вышли с оружием в руках на улицы Петрограда, требуя низложения правительства и перехода всей власти Советам. Политический кризис и кровопролитие на улицах столицы во время демонстрации стали предметом оживленного обсуждения на собраниях различных общественных организаций Омска. Уже 7 июля состоялось экстренное заседание Коалиционного комитета в присутствии краевого и областного комиссаров, генерала А. А. Таубе и помощника командующего округом эсера С. М. Немчинова, представителей городского самоуправления, ряда общественно-политических организаций. Собрание приняло решение по причине неполноты поступившей информа-

ции ограничиться воззванием к населению области с призывами сохранять порядок и спокойствие.

Вечером 8 июля в городском театре прошел многояудный митинг под председательством члена партии эсеров, возглавлявшего Акмолинский земельный комитет, П. Я. Дербера, который в своем докладе призвал к борьбе с большевиками не только словом, но, если понадобится, и с помощью оружия. Бурный характер приобрело рассмотрение волновавшего всех вопроса в Омском Совете рабочих и солдатских депутатов 12 июля. Часть ораторов осуждала одних только большевиков. Другие видели причину кровавой драмы в затянувшейся войне и кризисном состоянии хозяйства страны. Последняя точка зрения и возобладала 14 июля при окончательном вынесении резолюции Совета.

В этой ситуации омским выборным военным организациям приходилось очень нелегко. Ко всему еще добавлялась проблема острой нехватки денег, что серьезно препятствовало пропагандистской и просветительской работе среди солдатских масс. Генерал А. А. Таубе, давно уже сблизившийся с руководством демократических военных структур округа, но в отличие от Г. В. Григорьева так и не вступивший в ряды какой-либо социалистической партии, счел возможным придать обязательный характер прежнему распоряжению командующего о выделении Советам доли армейских денежных средств. Приказом № 419 от 11 июля начальникам частей, управлений, учреждений Омского военного округа предписывалось незамедлительно отчислить 25 % артельных и экономических сумм в пользу Советов рабочих и солдатских депутатов и об исполнении донести Военно-окружному комитету. Приказ № 419 стал причиной для возбуждения против генерала судебного дела.

Летние месяцы 1917-го были не только периодом острых политических баталий. Город продолжал жить повседневными заботами, омичи спешили насладиться временем тепла и солнца, так скупно отпущенными сибирской природой. Местный яхт-клуб 4 июня открыл сезон парусной регаты. С наступлением лета оживился и интерес горожан к футболу. В 1917 г. в Омске уже играли команды «Леший», «Огонек», три команды, организованные кружком любителей спорта, а также команда спорт-клуба, при котором действовали курсы по боксу, французской борьбе, легкой атлетике и шведской гимнастике. Как всегда, азартом и зрелищностью отличались бега на омском ипподроме.

Но истинными фаворитами по части зрительских симпатий были, пожалуй, борцы, состязания которых устраивались в цирке Арригони. Солдаты с риском сорваться и покалечиться забирались на купол и, попыхивая сигарками, наблюдали в его окна за ходом состязаний. В середине июля 1917 г. вопрос «о вылазивании солдат на крышу

цирка Арригони» даже значился на повестке заседания бюро военного отдела Омского Совета, которое предложило командиру 28-го Сибирского стрелкового запасного полка «для порядка выставить патрулей на все время представления».

Все лето в Омске особенно по вечерам и выходным дням заполнялись публикой городские сады, театры и кинематографы. Война и революция, казалось, лишь увеличили тягу населения к развлекательному времяпрепровождению. Одним из наиболее популярных мест гуляний горожан был сад «Аквариум». Здесь работал буфет, играл оркестр, устраивались танцы и маскарады. В саду давал спектакли «Интимный театр», репертуар которого составляли пьесы-однодневки – комедии, водевили и т. п. Представления в «Интимном театре» пользовались огромным успехом, поэтому у касс сада «Аквариум» нередко возникали длинные очереди желающих попасть сюда.

Впрочем, театральные «хвосты» не шли ни в какое сравнение с теми, что выстраивались у мясных, чайных и табачных лавок. С середины июля городской продовольственной управой была введена карточная система на чай, а в конце месяца и на мясо. Чай отпускался по четверти фунта (фунт – 409,5 г) на одного человека в месяц, мясо – по полтора фунта. Табак также попал в разряд дефицитных товаров. Положение курильщиков в Омске, кроме того, заметно осложнилось в связи с отсутствием сети пунктов продажи табака, достаточной для избежания столпотворений.

Власти Омска практически не могли справиться с насущными проблемами города. Это происходило во многом еще и потому, что дума превратилась в политический «клуб», где каждая фракция принципиально отстаивала свой путь разрешения назревших вопросов. Так, гласные думы не смогли договориться о программе по жилищному вопросу. Между тем «курятники» – землянки и небольшие домики самовольных застройщиков – нарождались на землях города с невероятной быстротой, возникая даже на площадях, отведенных для будущих зданий коммерческого и сельскохозяйственного институтов.

В соответствии с проводившейся Временным правительством реформой местного самоуправления 16 июля состоялись выборы гласных в городскую думу. Впервые горожане от 20 лет и старше, без различия пола, национальности и вероисповедания пришли к избирательным урнам, чтобы выразить свои политические симпатии и вместе с ними – надежды на лучшее будущее. Голосование проходило по партийным спискам. Более 50 % мест получили эсеры, не возражавшие против вхождения в состав городской управы членов других социалистических партий, но социал-демократы, в среде которых первую скрипку играли меньшевики-интернационалисты и народные социалисты, отказались от участия в работе исполнительного органа

Бумажные денежные знаки – «керенки»*. Выпускались при Временном правительстве А. Ф. Керенского и имели хождение в 1917–1920 гг.

думы. В итоге после длительных дебатов и консультаций городской головой был избран эсер-центрист В. В. Паскевич, председателем думы – правый эсер Г. М. Котляров.

В результате реорганизации Коалиционного комитета и выборов в городскую думу эсеры и меньшевики, среди которых значительно усилилось левое крыло, фактически захватили ключевые позиции во властных структурах Омска. Однако полного контроля добиться не удавалось из-за противодействия, оказывавшегося в сфере гражданского управления – областным комиссаром Н. И. Лепко, а в армейских делах – прибывшим в Омск новым командующим войсками округа полковником М. П. Прединским. Во второй половине июля эсеровский исполнительный комитет Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов, указав на несоответствие политических взглядов Лепко интересам революционной демократии, поставил вопрос о возможном отстранении последнего от должности. Социалистическое же большинство Коалиционного комитета 3 августа выдвинуло на пост областного комиссара своего кандидата – талантливого сибирского писателя и этнографа 32-летнего А. Е. Новоселова, который, впрочем, в тот момент не принял назначения. Аналогичную кампанию против М. П. Прединского развернули Военно-окружной комитет и военный отдел Омского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Полковник М. П. Прединский (приятель А. Ф. Керенского), приняв должность, попытался если не ликвидировать, то существенно изменить утвердившуюся при его предшественнике систему коллегиального управления. В планы нового командующего входили меры по наведению твердой дисциплины в частях, а главное – снижение роли солдатских комитетов в руководстве жизнью округа. Впрочем, благодаря мощному давлению демократических организаций округа, командующий был вынужден подтвердить решение Вокма об оставлении армейских активистов на местах и сообщить об этом А. Ф. Керенскому. Сопротивление Прединского было сломлено, но теперь лидеры Советов ждали только удобного момента для смещения несговорчивого командующего.

Последняя декада августа в Омске, как и по всей России, ознаменовалась бурным всплеском политических страстей. В начале 20-х чисел месяца демократические организации города готовились торжественно отметить полугодовщину революции. Была разработана обширная программа мероприятий, и, казалось, ничто не предвещало каких-либо потрясений, способных заслонить собой значение предстоящего празднования. Однако в этот момент были получены известия о поражении русских войск на Западной Двине и сдаче Риги.

А 23 августа по городу поползли тревожные слухи, которые послужили толчком к созданию новой общественно-политической организации. Молва гласила, будто Крон-

А. Е. Новоселов (1884–1918) – сибирский писатель и этнограф, эсер*.

В августе 1917 г. был избран комиссаром Временного правительства по Акмолинской области. С конца сентября исполнял обязанности комиссара по всему Степному генерал-губернаторству

штадт взят немцами, Петроград горит, А. Ф. Керенский... застрелился. В ночь на 24 августа по инициативе местных эсеров в Доме Республики срочно было созвано совещание из представителей исполнительных комитетов Западно-Сибирского и Омского Советов рабочих и солдатских депутатов, Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов и активистов партийных организаций социал-демократов и социалистов-революционеров. Собравшиеся послали телеграфный запрос в столицу. Ответ был успокаивающим: все слухи – вздор. Но совещание на этом не закончилось. Предчувствуя неясную пока угрозу, социалисты, казалось, забыли прежние распри и заговорили о сплочении своих рядов. Так вновь возродилась идея о формировании объединенного органа революционной демократии. До момента окончательного образования новой общественно-политической структуры для наблюдения за ситуацией в городе и возможного принятия экстренных мер совещанием была избрана специальная группа из нескольких человек.

Ожидать пришлось недолго: 29 августа после получения телеграммы А. Ф. Керенского о покушении Верховного главнокомандующего генерала А. Г. Корнилова на захват власти упомянутая группа незамедлительно обеспечила созыв еще одного совещания, на котором и конституировался Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии. Председателем комитета избрали меньшевика-интернационалиста К. А. Попова, его заместителями стали В. В. Паскевич и А. И. Богданов. Комитет вынес постановление о взятии всей полноты власти на территории Акмолинской области, а в отношении военном – в пределах всего Омского военного округа. Кроме того, были приняты решения о роспуске Коалиционного комитета, отстранении комиссара Н. И. Лепко, командующего округом М. П. Прединского и его помощника эсера С. М. Немчинова от должностей, о создании в Доме Республики боевого резерва. Революционно-демократические организации области и округа получали санкцию

Западно-Сибирского объединенного комитета на смещение лиц гражданского и военного ведомств в случае вынесения соответствующих постановлений.

На следующий день, 30 августа, областной комиссар Н. И. Лепко созвал пленарное заседание Омского коалиционного комитета, на котором К. А. Попов зачитал принятое накануне постановление о роспуске этого учреждения. После острых дебатов Коалиционный комитет большинством голосов (16 – за, 4 – против, 1 воздержался) принял решение самораспуститься. Кроме того, прошла и поставленная на голосование резолюция о передаче его дел Западно-Сибирскому объединенному комитету революционной демократии.

Областным комиссаром Комитет революционной демократии назначил эсера А. Е. Новоселова. Впоследствии его кандидатура была утверждена Временным правительством, а после ухода с поста комиссара Степного генерал-губернаторства И. П. Законова в конце сентября 1917 г. А. Е. Новоселов совмещал обе должности. Исполняющим обязанности командующего войсками Омского военного округа по решению того же комитета стал меньшевик-интернационалист прапорщик П. Н. Половников.

Между тем правительство и новый военный министр А. И. Верховский выступили решительными противниками принципа выборности армейских начальников, вследствие чего возник острейший конфликт между военно-демократическими организациями Омска и военным ведомством, сопровождавшийся угрозами из центра о посылке для восстановления порядка вооруженной силы.

В результате политического кризиса конца августа 1917 г. в Омске фактически установилась власть советского большинства, представленная в лице левых социал-демократов, левых и умеренных социалистов-революционеров. По сути дела, это явилось реализацией на местном уровне довольно популярной тогда идеи о правлении революционной демократии, о создании «однородной социалистической власти» без какого-либо участия буржуазии.

В сентябре стали поговаривать о возникновении омской «республики» на манер Кронштадта или Красноярска. Основаниями для таких суждений были отказ Объединенного комитета революционной демократии выполнить требование правительства о самоликвидации и конфликт по поводу введения выборности командного состава и других мер демократизации армии в Омском военном округе. Но эсеро-меньшевистское руководство Советов здесь шло на конфронтацию с центром лишь до известных пределов. Находившийся в Омске с 25 по 29 сентября комиссар Временного правительства Д. Ф. Сверчков для урегулирования вопроса о местном управлении провел серию встреч с омскими политическими деятелями. В результате переговоров было принято компромиссное решение о создании высшего органа распорядительной власти в области –

Акмолинского областного исполнительного комитета, в который вошли представители Западно-Сибирского исполкома Советов рабочих и солдатских депутатов, Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, Западно-Сибирского исполкома Советов крестьянских депутатов и члены Акмолинского областного киргизского (киргизами называли тогда казахов. – *Ред.*) исполнительного комитета. Вместе с тем Западно-Сибирский комитет революционной демократии не подлежал ликвидации, негласно сохраняя ряд своих распорядительных функций.

Осенью 1917 г. в Омске значительно активизировалось забастовочное движение. В конце сентября омские рабочие включились в проведение кратковременной, но мощной Всероссийской стачки железнодорожников. Эта акция с оговорками была поддержана Омским Советом, который добился, однако, придания ей чисто экономического направления. Всеобщая стачка металлистов Омска, начатая 1 октября, явилась отражением крайне низких средних цен на рабочие руки. Омские предприниматели не сочли требования рабочих сколько-нибудь приемлемыми, заявляя об убыточности своих предприятий и неверном расчете прожиточного минимума. Городская дума, которой Совет передал вопрос о забастовке на окончательное разрешение, в итоге вынуждена была 13 октября объявить о реквизиции предприятий, если хозяева откажутся удовлетворить притязания рабочих. Но никаких мер по реализации этого постановления дума так и не осуществила.

Острейшие социальные конфликты осени 1917 г. как в Омске, так и по всей России свидетельствовали об известном исчерпании потенциала страны и народа. В этих условиях надежды всех социальных слоев связывались с решением вопроса о власти, которая смогла бы вывести Россию из тяжелого состояния кризиса.

Одним из предвестий разрыва хрупкого гражданского мира в Омске стал окончательный раскол среди местных социал-демократов. Еще летом относительно немногочисленное правое крыло отмежевалось от радикального большинства, а в конце сентября – начале октября 1917 г. оформилась самостоятельная организация омских меньшевиков-оборонцев, которая образовала собственную фракцию в городской думе. Основным положением платформы оборонцев в связи с происходившими событиями являлось признание буржуазного характера русской революции, из чего вытекало задачи укрепления ее завоеваний, строительства демократической республики. Также выдвигались лозунги борьбы с политической и экономической разрухой, активной обороны страны, безотлагательного созыва Учредительного собрания, призванного решить аграрный и другие общегосударственные вопросы, утверждалась необходимость существования Временного правительства на основе коалиции с цензовыми эле-

ментами (буржуазией). В рабочем вопросе главная роль при решении конфликтов между трудом и капиталом отводилась третьей стороне.

12 октября объединенная социал-демократическая организация распалась полностью. Это произошло при обсуждении кандидатур на выборах в Учредительное собрание, когда большевики выступили с инициативой присоединения членов омской организации к Центральному комитету РСДРП (б) и добились принятия соответствующей резолюции (за – 246, против – 53, воздержавшихся – 21). Это голосование послужило поводом к возникновению в Омске еще двух самостоятельных социал-демократических организаций – интернационалистов во главе с К. А. Поповым и большевиков, избравших председателем своего партийного комитета З. И. Лобкова. В рядах большевиков остались главным образом солдаты и пролетарии. Представители партийной интеллигенции образовали костяк организации меньшевиков-интернационалистов.

Вооруженное выступление большевиков в столице не стало какой-то неожиданностью для омских политических деятелей. О предполагавшейся акции по захвату власти сообщалось в местной печати, вопрос этот обсуждался и в общественных организациях. Омские газеты различных направлений довольно широко освещали события, происходившие в центре, а также других регионах страны, хотя и с естественным для того времени запозданием.

25 октября К. А. Попов созвал совместное заседание исполнительных комитетов Западно-Сибирского областного и Омского Советов рабочих и солдатских депутатов, посвященное обсуждению депеш из Министерства почт и телеграфов и Центрального исполкома Советов, где говорилось о том, что большевики пытаются захватить власть в Петрограде. По поводу полученных известий была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что если восстание действительно началось, то, несмотря на его преждевременность (Всероссийский съезд Советов еще не был созван), следует поддержать это выступление пролетариата и солдатских масс. Собрание, однако, постановило временно не публиковать резолюцию, а путем телеграфного запроса прояснить характер обстановки в Петрограде.

Вскоре в Омск поступила телеграмма из Политического управления Военного министерства. Ее содержание свидетельствовало о начале восстания рабочих и солдат столицы под руководством большевиков. Текст данного сообщения был незамедлительно передан в руки Попова, который назначил на 22 часа 25 октября экстренное заседание представителей всех органов, входивших в Объединенный комитет революционной демократии, включая городское самоуправление.

Собрание началось с оглашения упомянутой телеграммы и завершилось принятием итогового документа (25 го-

лосов – за, 1 – против при 13 воздержавшихся), который был составлен в духе воззрений меньшевиков-интернационалистов: «...Жребий брошен. Или революция, или контрреволюция... комитет революционной демократии заявляет, что он за торжество революции, за власть рев[олюционной] демократии, что он с повстанцами...» Вместе с тем текст документа не содержал даже намека на конкретные меры и шаги, соответствовавшие новой политической ситуации. Закончив работу, собравшиеся разошлись лишь в половине шестого утра, а на следующий день, 27 октября, резолюция и протокол этого знаменательного заседания были опубликованы в газете «Революционная мысль».

Общее собрание Совета рабочих и солдатских депутатов, посвященное обсуждению петроградских событий, состоялось 28 октября. Резолюция, за которую голосовало большинство членов Совета, стала прямым свидетельством изменения политических настроений депутатов в пользу крайнего левого крыла революционной демократии. Утвердив проект, подготовленный большевиками, Совет впервые пошел не за своим руководством преимущественно из числа социал-демократов-интернациона-

листов, а за теми, кто еще недавно находился в меньшинстве и кто теперь представлял в Омске силы, олицетворявшие новый виток российской революции.

Определяя коалиционное Временное правительство как орган буржуазной диктатуры, а политику взаимодействовавшего с ним Временного Совета Российской Республики (предпарламента) как попытку спасти антинародное правительство от ответственности, авторы документа указывали, что выступление петроградских рабочих и солдат, по сути дела, является новой революцией. «Эта настоящая революция, – подчеркивали большевики, – имеет своим содержанием осуществление программы революционного пролетариата и беднейшего крестьянства». Успех же ее возможен лишь «при полном разрыве с буржуазией и при переходе власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не только в центре, но и на местах». Впрочем, о конкретных мерах по взятию власти Советом в резолюции ни слова не говорилось.

Интернационалисты же и часть солидарных с ними эсеров, приветствуя петроградское восстание, расценивали его не как начало новой социальной революции, а как порыв отчаявшихся масс, как реакцию на неспособность

К. П. Белов. Митинг в 1917 г. в Омске. 1969. Бумага, гуашь. 60 x 80. Из собрания Омского музея Кондратия Белова

Временного правительства разрешить насущные вопросы социально-экономической и политической жизни страны, наконец, как ответ на угрозу контрреволюционного наступления консервативных сил. Поэтому в противовес большевистской позиции выдвигалась и отстаивалась формула однородной революционно-демократической власти (из представителей всех социалистических партий), которая доведет страну до Учредительного собрания и гарантирует успех общедемократической по своему характеру революции.

Известие о восстании в Петрограде стало предметом обсуждения и острой полемики не только в левых общественно-политических организациях – 27 октября вопрос этот стоял на повестке дня городской думы, где противники Временного правительства в принципе могли рассчитывать на успех. Но этого не случилось. В конце октября произошел первый раскол в омской эсеровской организации – вышла группа правых (воленародовцев), образовав собственную думскую фракцию. При голосовании они объединились с меньшевиками-оборонцами и вместе с другими правыми фракциями городской думы добились принятия постановления, категорически осуждавшего захват власти большевиками. «Безумный бунт» – так окрестила дума это выступление. В знак протеста городская управа, представленная эсеровскими левоцентристскими деятелями, подала в отставку. С тех пор вплоть до самого отпуска дума являлась одним из сильнейших средоточий оппозиционной борьбы против большевиков в Омске.

В последний день октября гражданский прокурор Х. Ф. Коршунов наложил запрет на выход органа Омского Совета рабочих и солдатских депутатов – газеты «Революционная мысль», а ее редактора А. И. Богданова подверг аресту. Причина состояла в печатании материалов с призывами против Временного правительства и в поддержку восстания петроградских солдат и рабочих. Сотрудники газеты, однако, продолжали свою работу; редактор же по настоянию К. А. Попова был освобожден под залог в 300 руб.

В эти тревожные дни почти незамеченным осталось одно очень важное для культурной жизни Омска событие: 23 октября профессор Абросимовым была прочитана первая лекция в первом высшем учебном заведении города – Омском коммерческом институте. Занятия студентов проводились по вечерам в здании коммерческого училища. При вузе работал попечительский совет под председательством Н. Д. Буяновского, приложившего немало усилий для того, чтобы институт появился в Омске. Волею судеб уже с момента открытия вуза его студенты оказались вовлеченными в перипетии политической жизни города.

Та же участь, но с гораздо более суровыми и даже драматичными последствиями постигла воспитанников другого учебного заведения – 2-й Омской школы прапорщиков

пехоты. В период Первой мировой войны в России было создано несколько десятков школ прапорщиков, готовивших по ускоренной программе (срок обучения – четыре месяца) пополнение командных кадров для армии; две такие школы существовали и в Омске. 16 октября 1917 г. состоялось очередное производство в офицеры юнкеров 1-й школы, юнкера из 2-й школы готовились к выпуску, назначенному на 10 ноября. Однако новый революционный кризис в стране перечеркнул их планы и ожидания.

Утром 1 ноября начальник школы на основании заявления 3-го и 4-го взводов 2-й роты разрешил провести общее собрание для обсуждения текущих событий. Тут же были избраны и отправлены делегаты, которым было поручено вызвать представителей от крестьянского Совета, городской думы, казачества, а также областного комиссара и временно командующего войсками округа. Ожидая приглашенных, собрание выслушало В. А. Жардецкого, который с негодованием отзывался о большевистском перевороте. После его речи, сопровождавшейся аплодисментами, решено было создать штаб на случай обороны в составе двух офицеров и четырех юнкеров.

Затем один за другим на собрании выступали лица, приглашенные школой для обсуждения вопроса, волновавшего всех. Общий тон выступлений не оставлял сомнений в том, что и восстание в Петрограде, и действия тех, кто поддержал его в Омске, достойны резкого осуждения. Прибывшему же прапорщику П. Н. Половникову председатель собрания задал вопрос о линии его поведения в связи с петроградскими событиями, а также о предстоящем якобы выступлении повстанцев в Омске и решении арестовать всех офицеров школы. Командующий отвечал, что он интернационалист по убеждениям и хотя высказался за поддержку повстанцев, тем не менее не допустит беспорядков, что слух об аресте офицеров школы неоснователен и что решившие здесь в Омске поддержать повстанцев ни к каким активным действиям не приступали. Последнее утверждение в целом соответствовало действительности, но в результате состоявшегося голосования было принято постановление об аресте Половникова. Функции же его были переданы собранием бывшему помощнику командующего войсками округа эсеру, подпоручику С. М. Немчинову, ранее отстраненному от должности Военно-окружным комитетом.

Немчинов, приглашенный в школу прапорщиков отнюдь не случайно, вновь, как в дни своего мартовского командования, развернул энергичную деятельность. В третьем часу дня он отдал распоряжения о занятии здания гарнизонного собрания и штаба округа, где было задержано несколько членов гарнизонного комитета. В располагавшихся неподалеку от школы складах 19-го Сибирского запасного стрелкового полка юнкера захватили боеприпасы и оружие. Для того чтобы выбить из рук левых социа-

В. М. Косарев (1881–1945) – один из руководителей борьбы за советскую власть в Омске и Томске*.
В 1917 г. – председатель Омского Совета рабочих и солдатских депутатов.
В 1919–1921 гг. – член Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП (б)

листов их главную опору – двадцатитысячный гарнизон, требовались официальная санкция и помощь более или менее авторитетных среди солдат политических организаций Омска, каковыми в этот момент являлись Западно-Сибирский Совет крестьянских депутатов и работавший при нем окружной Совет солдат-крестьян, а вместе с ними и местная организация эсеров. Однако ввиду нежелания руководства этих организаций дать повод к развязыванию гражданской войны, юнкерам было отказано в поддержке.

Тем временем в Доме Республики уже шла подготовка к вооруженному отпору. Открывшееся в 5 часов вечера заседание Объединенного комитета революционной демократии постановило вызвать войска, Красную гвардию и предъявить мятежным юнкерам ультиматум с требованием освобождения арестованных. Явившийся в Дом Республики в сопровождении членов крестьянского Совета С. М. Немчинов встретил осуждающее отношение участников собрания и сложил полномочия командующего.

В седьмом часу вечера к Дому Республики стали подтягиваться войска и отряды Красной гвардии (вооруженные отряды, сформированные в апреле 1917 г. большевиками по инициативе З. И. Лобкова, их штаб располагался в железнодорожном клубе. – *Ред.*). Солдаты и рабочие требовали решительных действий в отношении школы прапорщиков. Район крепости, где засели юнкера, скоро был оцеплен прибывшими частями. На случай штурма была вызвана артиллерия. Как только командованию восставших юнкеров стало известно о движении вооруженных формирований, выступивших на помощь Объединенному комитету революционной демократии, началась подготовка к обороне. Продолжавшиеся в течение двух суток переговоры восставших с левыми политическими деятелями Омска, которые опасались развязывания кровопролитных действий, в конечном счете привели к тому, что уже в 10 часов вечера

1 ноября П. Н. Половников и другие арестованные обрели свободу и направились в Дом Республики.

А ранним утром 3 ноября состоялось последнее общее собрание 2-й школы прапорщиков. Обессиленные двумя бессонными ночами, постоянной угрозой штурма, тревогой за будущее, юнкера во главе с начальником школы проголосовали за сдачу оружия. Из 500 чел. только 60 остались на прежней непримиримой позиции. Но этим история юнкерского выступления не завершилась. Конференция представителей гарнизонных комитетов Омского военного округа, заседания которой проходили с 13 по 15 ноября, проголосовала за ликвидацию школы прапорщиков. Причем юнкеров решено было отправить в части без присвоения офицерского звания, получение которого в будущем оговаривалось целым набором условий. В знак протеста против вынесенного вердикта прапорщик П. Н. Половников, считавший эти меры чересчур жесткими, сложил свои полномочия. Новым командующим войсками округа конференция назначила беспартийного штаб-капитана Телицина, чьи взгляды не противоречили позиции основной массы делегатов. Кроме того, состав Военно-окружного комитета был пополнен так, что интернационалисты утратили свое главенство, уступив его большевикам. Новым председателем этого органа стал В. М. Косарев, что символизировало победу большевистского политического курса в войсках округа.

Но победа большевиков в Омске еще не была окончательной. Так, по прошествии двух недель с момента Октябрьского вооруженного восстания комиссар А. Е. Новоселов в телеграмме, направленной всем уездным комитетам Акмолинской области, призывал население не придавать веры советским декретам и быть готовым «дать отпор местным большевистским элементам в случае попыток захвата власти». Но долгое время неопределенное положение с вопросом о власти сохраняться не могло. По мере укрепления Советов в центре активность местных большевиков возрастала, как возрастало и давление рабочих и солдат на руководство Омского Совета, которое день ото дня теряло поддержку масс вследствие нерешительной и компромиссной политики.

На общем собрании Совета 11 ноября от имени его исполкома левый эсер Н. Е. Ишмаев сделал заявление о серьезных расхождениях между руководством и большинством депутатов, о проблемах с кворумом заседаний, что привело к необходимости провести перевыборы не только исполкома, но и всего состава этой организации. Новые выборы были назначены на 18–20 ноября. Голосование ознаменовалось крупным успехом партии большевиков. Эта победа была закреплена 30 ноября на выборах исполкома Совета, в котором большевики получили 11 мест, меньшевики-интернационалисты – три, беспартийные – два, эсеры-максималисты и эсеры – по одному.

Председателем исполнительного комитета стал представитель Центрального комитета РСДРП (б) В. М. Косарев; а в президиуме исполкома Омского Совета из семи мест большевики получили четыре. В этот же день, согласно принятому депутатами постановлению, от имени Совета населению было сообщено о переходе власти в Омске и пригородах в руки его президиума.

Взятие власти Омским Советом совпало по времени с проведением в городе 2–10 декабря III съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири. Съезд, провозгласивший победу советской власти в крае и утвердивший программу социально-экономических и политических преобразований на основе декретов Совета народных комиссаров – Совнаркома, не только свидетельствовал о значительном росте силы и влияния большевиков на массы, но и рельефно отражал назревшие в лагере левых социалистов противоречия. Выступление К. А. Попова от фракции социал-демократов-интернационалистов выявило те мотивы, которые надолго станут основанием особого отношения в прошлом близких союзников большевиков к советскому политическому курсу. Попов называл российскую революцию демократической, а не социалистической. Соответственно и власть в стране должна была принадлежать «всей революционной демократии, и такую власть должно представлять собой всенародное Учредительное собрание с выделением из него и перед ним ответственным правительством рабочей и крестьянской демократии». Говоря о результатах политики Совнаркома, К. А. Попов отмечал, что она «ведет к все большему и большему распаду всего хозяйственного и государственного механизма страны», направляет значительную часть умеренной демократии в стан контрреволюции, порождает в России состояние «непрерывной гражданской войны». В отличие от меньшевиков-интернационалистов на данном этапе революционного процесса прочную связь и сотрудничество с местными большевиками установили левые эсеры, которые в конце декабря 1917 г. образовали в Омске самостоятельную организацию. Активно участвовала в процессе преобразований и группа эсеров-максималистов, представлявшая наиболее радикальное крыло лево-социалистического лагеря.

Первыми шагами вновь избранного исполнительного комитета Омского Совета стало образование ряда комиссий (финансовой, хозяйственной, юридической и др.) и подготовка к проведению в жизнь декретов Совнаркома. Одной из острейших проблем, с которыми лицом к лицу столкнулось руководство Совета, стала нехватка денежных средств. С этой целью комиссары Совета предприняли попытки установления жесткого контроля над деятельностью отделений банков и казначейства. Другой мерой стало осуществление в Омске декрета о государственной монополии на печатание объявлений. Редакции местных

газет обязывались к 9 декабря представить в контору «Революционной мысли» соответствующие документы по приему объявлений. Из всех омских газет постановлению Совета откровенно не подчинилась лишь «Заря» – орган блока правых социалистов. Газета была закрыта 11 декабря, а через три дня возобновила выход теперь уже под другим названием – «Вечерняя заря».

Вмешательство Совета в деятельность финансовых учреждений города вызвало протесты чиновников, перешедшие в прямое сопротивление и забастовки. Эти меры были санкционированы постановлением конференции служащих государственных и общественных учреждений от 3 декабря, которая объявила о признании только власти Учредительного собрания, а до его созыва – Временного правительства. Декреты же Совнаркома, как не имевшие силы закона, предлагалось игнорировать. Вторжение в сферу деятельности различных учреждений со стороны советских органов считалось недопустимым и подлежало противодействию всеми возможными способами вплоть до забастовок.

Чем настойчивее и активнее комиссары Совета пытались овладеть важнейшими государственными учреждениями и отраслями городского хозяйства, тем сильнее становилось сопротивление омской интеллигенции, служащих. Вслед за казначейством в середине декабря акции протеста, отказ от сдачи ключей и дел, заявления о неподчинении советской власти отмечались в органах продовольственного и переселенческого дела, суда, милиции, Областном правлении, городской управе и т. д. Серьезное давление оказывали на большевиков оппозиционные фракции в Совете рабочих и солдатских депутатов.

Революционный трибунал был образован в Омске 13 декабря. Его следственная комиссия наряду с прочими проступками, попадавшими в разряд контрреволюционных деяний, занималась и так называемыми саботажниками. Новая власть стала практиковать кратковременные аресты, увольнение сопротивлявшихся ей чиновников без права на пенсию или единовременное пособие, но позиция непризнания и откровенное сопротивление попыткам овладеть теми или иными учреждениями продолжались.

В защиту Учредительного собрания 21 декабря состоялась демонстрация, объединившая множество недовольных большевистским режимом. Над манифестантами реяли красные знамена, из рядов демонстрантов доносились звуки революционных песен. Лозунгами шествия были «Да здравствует Учредительное собрание!», «Через Учредительное собрание к хлебу и миру!», «Долой насильников – узурпаторов власти!». Конференция служащих государственных и общественных учреждений, в состав которой входило около 60 организаций, призвала к началу всеобщей забастовки с 22 декабря.

В ответ последовала серия довольно жестких мер по подавлению забастовки. Президиум Омского Совета рабочих

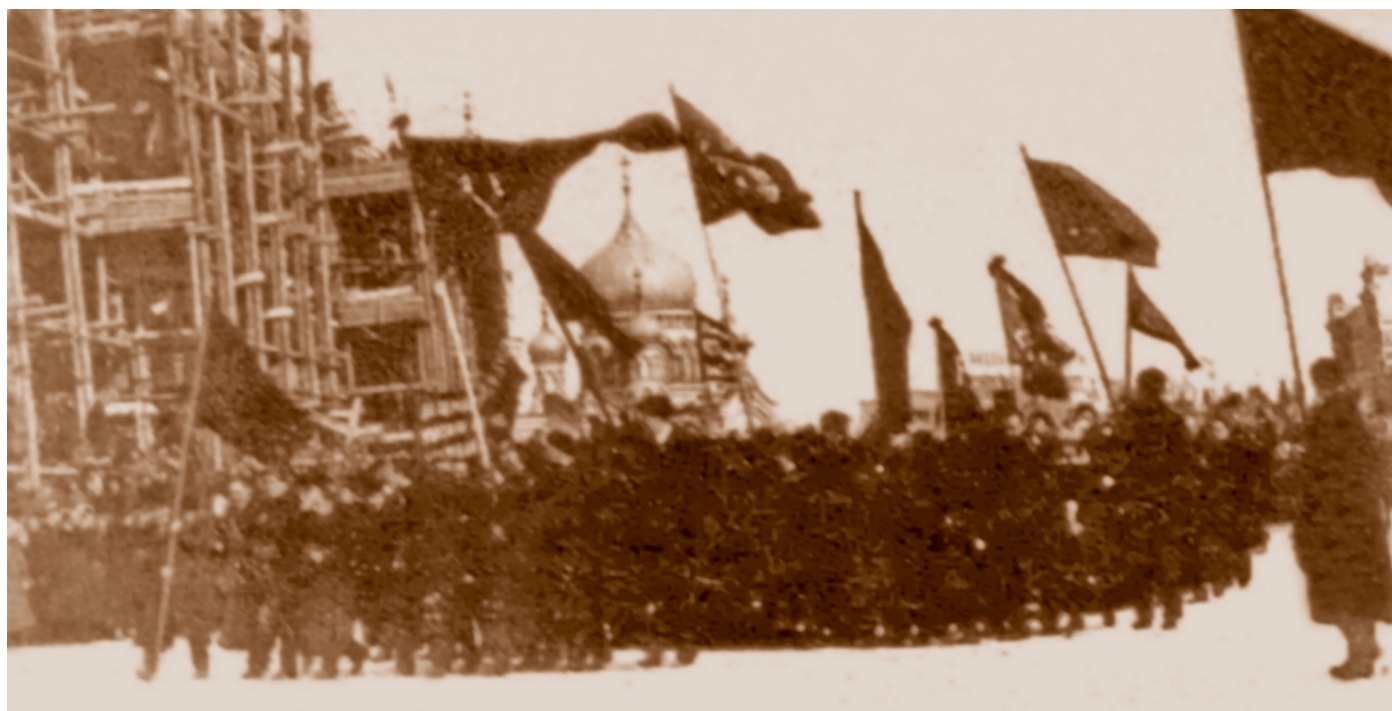

и солдатских депутатов обнародовал постановление о борьбе с саботажем. В этом документе все, кто не выйдет на работу к 9 часам 23 декабря, объявлялись врагами революции и подлежали увольнению с лишением пенсий и других средств государственного вспомоществования. Забастовщикам грозило также лишение продовольственных карточек и конфискация имущества. Чтобы показать решимость в проведении своего курса, большевики организовали 26 декабря в Омске демонстрацию Мира. После митинга на Площади судебных установлений колонны солдат и рабочих двинулись к Дому Республики. На знаменах манифестантов были начертаны лозунги «Долой капитал! Да здравствует трудовая республика!», «Вся власть Советам!», «Учредительное собрание должно принять власть Советов!», «Да здравствует всеобщий, демократический мир!». Участники демонстрации из числа солдат и красногвардейцев были вооружены. Шествие сопровождал грузовик с водруженными на нем пулеметами, по мостовой громыхла артиллерия.

Революционный трибунал открыл свои заседания 28 декабря. Процессы по делам оппозиционеров тянулись вплоть до падения Советов в Омске в начале июня 1918 г. Всего было вынесено около 120 приговоров, причем обвиняемые в качестве меры наказания подвергались главным образом общественному порицанию либо другим относительно безобидным формам воздействия. Часть арестованных была все же приговорена к нескольким месяцам тюремного заключения.

Приложил свою руку к борьбе с саботажем и Военно-окружной комитет, переизбранный на III съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири. Приказом от 6 января участники забастовки, подходившие по возрасту, призывались на военную службу для пополнения численности гарнизона. Демобилизация старших возрастов, начатая еще при А. Ф. Керенском, теперь распространялась и на другие категории военнослужащих. К этому добавился и стихийный уход солдат по домам. Изменились порядки и характер управления в гарнизоне. Решением III съезда Советов Западной Сибири была декларирована полная демократизация частей округа. Власть командующего целиком переходила к Военно-окружному комитету. Все чины и звания, элементы военной формы (погоны, кокарды и т. д.), знаки воинского отличия, исключая боевые ордена и наградное оружие, упразднялись. Командный состав становился выборным. Офицеры, не получившие должностей командиров, переводились на положение солдат. Эти нововведения были подтверждены 15 декабря приказом по округу, составленным при участии вернувшегося из Петрограда генерала А. А. Таубе.

Оставшись без средств к существованию, испытывая острое неприятие политики большевиков, десятки офицеров в Омске стали группироваться вокруг центров вооруженного подполья, которое зародилось здесь уже в декабре 1917 г. В первой половине 1918 г. город посещали эмиссары Временного правительства автономной Сибири и его военный министр А. А. Краковецкий, посланец

Демонстрация на Казнаковской улице у Дома судебных установлений. 1917. Из коллекции В. И. Селюка.
21 декабря в городе состоялась демонстрация в защиту Учредительного собрания

генералов Л. Г. Корнилова и М. В. Алексева В. Е. Флуг. Они инструктировали и консолидировали разнородное по своим политическим взглядам антибольшевистское подполье. Благодаря усилиям генерала Флуга, главой омской военной организации стал казачий полковник П. П. Иванов-Ринов. Под его началом действовало около 500 подпольщиков. Кроме того, в районах казачьих станиц располагались отряды атаманов И. Н. Красильникова и Б. В. Анненкова. Численность отряда последнего превышала 200 чел. Впрочем, сил этих было далеко не достаточно для того, чтобы попытка свержения Советов в Омске имела успех.

Хотя иногда шаги большевиков вызывали недовольство даже в рабочей среде, поддержка омского пролетариата, опора на солдат старой армии и создававшиеся вооруженные формирования обеспечивали устойчивость советской власти в городе вплоть до начала лета 1918 г. Так, в период выборов в Учредительное собрание (для Омска – последняя неделя ушедшего 1917 г.) позиция солдатских и рабочих масс предопределила лидирующее положение большевиков. Они получили по городу 28,8 % голосов, тогда как их основные соперники – кадеты – 21 %, а вместе с пригородами (Атаманский хутор, Ново-Омск) – 37,7 %, кадеты же только 15,9 %. Итоги выборов в Учредительное собрание отразили и другую особенность расстановки социально-партийных сил в Омске. Партия эсеров, представлявшая центр всего политического спектра, совершенно утратила то влияние, которым располагала в середине года, когда на выборах в городскую думу она получила 53,5 % голосов (в декабре – лишь 11,5 %). Голоса ее прежних сторонников теперь распределились между левыми и правыми партийными группировками, что свидетельствовало о резкой поляризации политических симпатий городского населения.

Состояние «ползучей» гражданской войны не покидало город до начала открытых боевых действий в связи с наступлением чехословаков в конце мая – начале июня 1918 г. Иногда гражданское противостояние принимало особенно острые формы, но благодаря наличию у советской власти надежного инструмента подавления антибольшевистских выступлений – армейских и красновардейских отрядов, а также милиции – жизнь города быстро входила в относительно спокойное русло. Так, подъем забастовочного движения в первой половине января 1918 г. (разгон Учредительного собрания подлил еще больше масла в огонь) скоро сошел на нет: увольнения, аресты, судебные процессы и элементарная нужда в хлебе насущном делали свое дело. Волнения обывателей 19 февраля, причиной которых являлось осуществление декрета «Об отделении церкви от государства» и арест омского епископа Сильвестра, были ликвидированы в течение нескольких часов с помощью вооруженной силы и введения осадного положения. С последними очагами открытого сопротив-

ления большевизму – городской думой и оппозиционной прессой обошлись без излишних церемоний. Дума по постановлению Совета 18 января прекратила свое существование. В этом же месяце власти закрыли кадетскую «Сибирскую речь» и «Вечернюю зарю» – совместное издание правых эсеров, меньшевиков-оборонцев, группы «Единство» и народных социалистов. Дольше других продержалась эсеровская газета «Дело Сибири» – до 12 мая. Но газета «Пролетарий» – печатный орган меньшевиков-интернационалистов, хотя и заполняла каждый номер неллицеприятной критикой в адрес большевиков, каких-либо репрессий на себе все же не испытала.

Весной 1918 г. положение советской власти в Омске в политическом отношении стабилизировалось. Но экономические проблемы настоятельно требовали особого внимания и напряжения сил. Здесь, как и в других губерниях России, большевики и их союзники – левые эсеры сталкивались с одинаковыми трудностями: не хватало сырья и топлива, продовольственных товаров и предметов первой необходимости. Перед государственными органами стояли проблемы отсутствия денежных средств, дефицита подготовленных управленческих кадров и еще многие тяжелые и болезненные вопросы, которые не решались с ходу, но и не оставляли времени на постепенные, рассчитанные на долгий срок преобразования. В результате и омичи стали свидетелями «красногвардейской атаки на капитал», повальных контрибуций, необдуманных шагов власти в отношении кооперации.

Промышленность Омска, несмотря на общую экономическую разруху, все же продолжала работать. Но происходило это не столь эффективно, как желало того руководство Советов, видевшее выход в получении необходимых финансовых и продовольственных ресурсов путем товарообмена с деревней. Кроме того, крестьянство совершенно не вносило налогов за 1917–1918 гг. Член исполкома Н. Е. Ишмаев 23 марта на заседании общего собрания Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов сообщал: «Единственным источником доходов являются налоги на имущие классы. Мы не щадим никого, налагаем контрибуции начиная с крупных предпринимателей и кончая зажиточными крестьянами». Что же касается основной массы деревни, то, по словам докладчика, здесь следует «применить ряд решительных мер к сборанию налогов». И когда в Москве правительство взяло курс на продовольственную диктатуру и одновременное разжигание классово-борьбы в деревне, омские большевики восприняли это как должное, как единственно возможный выход из создавшейся ситуации. В конце мая 1918 г. город уже готовился к великому походу на деревню, но мятеж чехословацкого корпуса внес свои коррективы в течение исторических событий, отложив на время осуществление военно-коммунистических проектов.